

Линь Дунци не успела увернуться, и ее живот рассек меч, после чего брызнула яркая кровь.

А ее длинный нож уже обрушился на шею последнего человека с широко раскрытыми и полными ужаса глазами, которые так и не закрылись в смерти; кровь забрызгала ей всё лицо.

Линь Дунци прижала рукой живот, с трудом опираясь на длинный нож, тяжело и прерывисто дыша, и натянуто усмехнулась:

— Неужели этакая шваль способна забрать мою жизнь?!

Янь Наньшань холодно фыркнул, и его клинок, заплесав серебряной змеей, сплошной сетью, от которой невозможно было уклониться, со злобным свистом устремился на нее.

Линь Дунци извечно больше всего терпеть не могла эти хитрые уловки со сменой приемов. Не отступая от своих основ, она взмахнула длинным ножом и с дикой, непреклонной силой разорвала непроницаемую паутину меча, нацелившись прямо в лицо Янь Наньшаню.

Янь Наньшань поднял меч для блока, и раздался звонкий металлический удар. Сила была такой огромной, что у него онемело запястье, и он отступил на два шага назад.

— Янь Наньшань, ты нанял меня через Базилику Любующейся Снегом, чтобы вырезать клан Шэн, а теперь так спешишь убить меня, чтобы замести следы? Кто же в конце концов демон — я или ты? — задыхаясь, проговорила Линь Дунци. Она взмахнула рукой и разорвала узелок, и золотые слитки из коробки со звоном покатались по земле.

— Не думай, что сможешь обмануть весь мир, подменив казенное серебро на золото из менялы! — усмехнулась Линь Дунци. — Я хочу, чтобы весь цзянху увидел, до чего же лицемерно истинное лицо благородного Лидера боевых искусств!

Слова Линь Дунци задели его за живое. Его сердце тотчас затрепетало от смущения, он совершил ошибку, и боковым зрением заметил, как из груды тел выкарабкался какой-то мастер боевых искусств и, спотыкаясь, бросился вперед.

В глазах Янь Наньшаня промелькнуло жестокое выражение, он взмахнул рукавом, выпуская сливки-мэйхуа прямо в беглеца.

Тот рухнул на месте, забившись в судорогах — скрытое оружие явно было пропитано сильнейшим ядом.

— Какая же ты живучая... — Янь Наньшань только успел вздохнуть с облегчением, как за спиной раздался призрачный шорох. Он инстинктивно крутанул клинок и ударил назад.

Мягкий звук пронзаемой плоти. Сердце Янь Наньшаня радостно ёкнуло, и стоило ему попытаться обернуться, как перед глазами мелькнул холодный свет, а в остром лезвии отразились равнодушные, полные убийственного намерения глаза Линь Дунци.

Невероятно быстрый нож полоснул Янь Наньшаня по горлу. Он услышал лишь тихое шипение, провел рукой по шее и почувствовал фонтан горячей крови. Широко распахнув глаза, он с нескрываемым отчаянием рухнул навзничь, одновременно выдергивая меч обратным хватом.

Клинок вышел из тела Линь Дунци, выбросив в воздух брызги крови.

Янь Наньшань приоткрыл рот, из которого вырвалось лишь глухое сипение, но слов произнести он уже не смог. Постепенно дыхание его оборвалось.

Линь Дунци волоча за собой длинный нож, медленно подошла к Бай Цзиньжун.

Она без сил опустилась на землю и бросила нож; тот звякнул о камни, заставив Бай Цзиньжун испуганно вздрогнуть.

— Садись, — Линь Дунци вытерла перепачканное кровью лицо и тихо произнесла.

Бай Цзиньжун опустилась на землю, а Линь Дунци легла ей на колени, глядя в небо, и медленно проговорила:

— Эх, как жаль, я умираю...

Ее пальцы коснулись рассыпанных по земле золотых слитков:

— В этой жизни я еще не тратила столько денег...

— Я перевяжу тебя, — глядя на то, как кровоточат все раны на теле Линь Дунци, Бай Цзиньжун в полной растерянности прижимала к ней платок.

— Не надо, — Линь Дунци слабо моргнула. — Просто побудь со мной вот так.

Она разжала руку, прижимавшую живот, испачкав ладони в крови, достала из-за пояса медную монету и с трудом вложила ее в руку Бай Цзиньжун, медленно проговорив:

— За всю свою жизнь я никогда не вела убыточных дел.

— Лишь ты одна заставила меня разориться в пух и прах.

Бай Цзиньжун прикусила губу, и ее дрожащие пальцы медленно опустились на плечо раненой.

— Ты же знаешь, я не люблю оставаться в проигрыше, — Линь Дунци запрокинула голову, протянула руку и крепко сжала ее за грудь, оставив кровавый отпечаток ладони, после чего усмехнулась: — Квиты.

Неожиданное сильное сжатие испугало и разозлило Бай Цзиньжун, она невольно опустила взгляд на Линь Дунци и встретилась с ее глазами.

Чистый и выразительный взгляд отразился в угасающих, расфокусированных зрачках Линь Дунци. Ее улыбка постепенно угасла, угольно-черные зрачки расширились, из глубины души вырвалась волна чудовищной ярости, глаза покраснели от невыносимой обиды.

Линь Дунци протянула руку и вцепилась в горло Бай Цзиньжун:

— Ты... смела... меня... обмануть!

Бай Цзиньжун молча смотрела на нее:

— Красивые у меня глаза?

Рука Линь Дунци медленно разжала ее горло. Исполненные ярости глаза уставились на нее, не желая закрываться в смерти, и она безвольно повалилась на землю.

— Вот черт, умерла, — ладонь Бай Цзиньжун скользнула по ее лицу, позволяя покрасневшим глазам наконец закрыться.

В этот момент перед глазами вспыхнул белый свет, пейзаж вокруг закружился, и она вновь вернулась в преисподнюю.

Судья сидел за письменным столом и выводил кистью иероглифы:

— Не ожидал, что ты действительно сможешь искупить ее злые помыслы.

— Что? — не поняла Бай Цзиньжун. — Она убила столько людей, как же я их искупила?

Судья поднял голову:

— Семь перерождений Звездного Владыки Цинцую соответствуют семи проявлениям злых помыслов: жадность, гнев, глупость, злоба, привязанность, ненависть и похоть.

— Это — жадность. Ты заставила человека, для которого богатство было дороже жизни, ради тебя отказаться от этих денег. Так что тебе удалось.

Сердце Бай Цзиньжун слегка дрогнуло. Вспомнив, как Линь Дунци шла с ножом наперевес, она на мгновение замерла, погрузившись в молчание.

Судья захлопнул свиток, отложил кисть и посмотрел на нее:

— Почти готово. Вторая жизнь Звездного Владыки Цинцуй — гнев.

— Ступай.

Судья небрежно бросил кисть, перед глазами снова сверкнула вспышка белого света, и Бай Цзиньжун мгновенно исчезла из преисподней.

Конец

Вторая жизнь

Гнев

Бай Цзиньжун очутилась в маленьком дворике, и воспоминания хозяйки тела хлынули в ее сознание. В шестнадцать лет ее выдали замуж за хворого супруга для отвода злых духов, но хилый муж не продержался и ночи после свадьбы — испустил дух.

Семья мужа сочла ее нахлебницей и выгнала из дома. Родители же, будучи бедняками, изначально продавшие дочь ради удачи, принять ее назад тоже отказались.

К счастью, перед смертью муж сунул ей немало серебра. Она тайком спрятала его, в одиночку добралась до деревни Фужун, сняла небольшой дворик и стала продавать лапшу ради пропитания. Так прошло пять лет.

Полгода назад ее родня каким-то образом пронюхала, где она скрывается, и явилась на поиски со словами, что присмотрели для нее жениха и собираются выдать замуж.

Тогда она среди ночи сбежала из деревни Фужун и окольными путями добралась до этого небольшого городка под названием Хуагу.

Бай Цзиньжун подняла зеркало и взглянула на отражение: лицо осталось ее прежним, вот только в памяти прибавилось воспоминаний о совершенно незнакомой жизни.

Замешивание теста, варка бульона, приготовление приправ — Бай Цзиньжун справлялась со всем этим легко и привычно. Она никогда не чуралась работы: живя в клане Шэн, всю домашнюю и дворовую работу выполняла она одна, изнедав и горечь, и усталость.

Она глянула на небо — настал час выходить и торговать лапшей.

Поразмыслив, Бай Цзиньжун решила, что лучше избегать каких-либо странностей, а заодно выйти и посмотреть, не удастся ли ей встретить переродившуюся Линь Дунци.

Она взвалила на коромысло корзины и отправилась на свое привычное место.

Только она успела разложить лоток, как напротив, из шумного постоянного двора, несколько дюжих слуг вытолкали на улицу мальчишку тощего, как мартышка.

Этот сорванец с растрепанными волосами, в потертой короткой куртке и черных матерчатых туфлях с почти протертыми подошвами, уперев руки в боки, завопил на всю улицу:

— Ах вы, черепашьи яйца! По-вашему, я выгляжу тем, кто не может заплатить за еду? Придет время, ваши могилы задымится, предки в ярости повылазят из земли и сами приползут на коленях молить мелкого господина о прощении!

— Хватит тут балаган устраивать, проваливай! — слуги принялись толкать его вон.

— Не толкайте меня! — малой уселся прямо на землю. — У меня сегодня настроение плохое, никуда не пойду. Посмотрим, что важнее — ваша торговля или избиение меня. Ну же, давайте, забьете до смерти — не забудьте заявить чиновникам!

Слуги застыли на месте, совершенно не зная, что с ним делать.

Рассвирепевший управляющий выскочил наружу:

— Связаться с такой заразой — сущий кошмар, хуже некуда! — он швырнул горсть медных монет. — Убейся, считай, сегодняшняя еда за мой счет.

Шельмец неторопливо собрал монетки, спрятал за пазуху и лишь после этого с победным видом зашагал прочь, покачивая головой:

— Да уж, хуже некуда — у тебя не только жена кровью харкает, так ее еще и другой мужик тискает!

Управляющего едва не хватил удар. Схватившись за грудь, его полное тело тяжело задышало:

— Язык у тебя без костей! Небо само покарает тебя!

— Насчет неба не знаю, но судя по твоему дохлому виду, Ван Сянь из подземного царства явится за тобой первым, — ухмыльнулся тот, заложив руки за спину, и на ходу стянул с лотка с фруктами персик, всюю уплетая его.

Торговец связываться не пожелал и молча стерпел.

Этот маленький царь смуты шел по улице, задирая всех подряд: что ни приглянется — всё забирал, а люди лишь молча глотали обиду.

Пока он наконец не уселся перед прилавком Бай Цзиньжун и, стуча по столу, не закричал:

— Эй, молодая вдова, миску лапши сюда!

Бай Цзиньжун посмотрела на это чумазое лицо. Черные, как тушь, глаза излучали все ту же отстраненность из первой жизни, но теперь в них куда сильнее сквозило наплевательское хулиганство.

Ловко управившись, Бай Цзиньжун сварила лапшу, подала ее и испытующе окликнула:

— Линь Дунци?

Та широко ухмыльнулась:

— Откуда молодая вдова знает имя твоего дедушки? Что, в сердце весна заиграла? Дома никого нет, захотелось, чтобы твой дедушка тебя утешил?

Бай Цзиньжун наконец поняла суть проявления гнева в этой жизни: эта девчонка и вправду была совершенно невоздержанна на язык, извергая изо рта сплошную грязь.

— Плати! — заметив, что Линь Дунци доела лапшу и собирается уходить, Бай Цзиньжун преградила ей путь.

Линь Дунци вытерла жирный рот блестящим от грязи рукавом, подступила ближе и с наглой ухмылкой протянула:

— А давай расплатимся моим телом, а?

Бай Цзиньжун отступила на шаг. От девчонки разило неприятным запахом, точь-в-точь уличный оборванец.

Только вот возраст оказался еще меньше, чем в первой жизни — на вид ей едва ли было шестнадцать-семнадцать лет.

Не успела Бай Цзиньжун и рта открыть, как глаза Линь Дунци заблестели, и она замахала кому-то вдалеке:

— Эй, Бяо-гэ, Цзин-гэ, сюда! Эта развратница такую вкусную лапшу варит!

Бай Цзиньжун была типичной порядочной женщиной, где ей было слышать подобное! Веки задергались от гнева, и рука сама собой поднялась, намереваясь отвесить той звонкую пощечину.

Но ее запястье перехватили. Чей-то палец скользнул по нежной белой коже руки, заставив Бай Цзиньжун испуганно отдернуть ее.

— Это ты лапшу варишь или сама чего ниже предлагаешь? — к ним направлялись три-четыре подростка в таких же потрепанных одеждах с развязными повадками уличных хулиганов. Они были на пару-тройку лет старше Линь Дунци и с ухмылками окружили женщину.

— У брата кое-что другое куда вкуснее, молодая вдова, не хочешь отведать? — задиристый главарь с тигриной мордой по имени Чэнь Бяо, за которым следовали Линь Вэньцзин, Лю Шэн и другие, тесно обступил Бай Цзиньжун, принимаясь ее толкать.

Бай Цзиньжун посмотрела на Линь Дунци и увидела, что та хлопает в ладоши от восторга и вовсю орет:

— Смотрите, а булки-то у нее какие большие!

Понимая, что связываться с ними нельзя, Бай Цзиньжун принялась собирать лоток, собираясь уходить.

— Куда это собралась? Поиграй с братьями немного, разве нельзя? — Чэнь Бяо схватил ее за руку. — Все равно твой мужик помер, толку от него никакого.

Он согнул руку в локте и хлопнул себя по бицепсу:

— Глянь на мои крепкие мышцы, ну как? Довольна? Точно доставлю тебе до небес!

Толпа разразилась хохотом. Видя, что Линь Дунци смеется громче всех, Бай Цзиньжун невольно почувствовала, как защипало в глазах, и изо всех сил выдернула руку из хватки Лю Бяо.

— Цзин-гэ говорит, что с женщинами интереснее всего, когда они реветь начинают, верно же?
— хохоча, вопила Линь Дунци. — Смотрите-ка, а она, кажись, и впрямь плакать собралась!

Линь Вэньцзин тихонько подобрался к Бай Цзиньжун сзади и, пользуясь моментом, пока она уворачивалась от Лю Бяо, прижался к ней и тут же заключил в объятия:

— Ой-ой-ой, сама в объятия бросилась!

Шайка подняла страшный гам. Бай Цзиньжун изо всех сил оттолкнула Линь Вэньцзина, схватила лежавший на прилавке нож и крикнула со злостью:

— Кто еще посмеет ко мне прикоснуться!

Опыт побегов от преследователей в цзянху в первой жизни — те люди, те кровавые расправы, те сцены — разительно отличались от этой кучки сопливых хулиганов.

То были настоящие клинки и настоящая кровь.

Этот выпад и вправду испугал шпану.

Увидев, что она схватилась за нож, торговка фруктами со смежной лавки матушка Су подхватила скамейку и прикрикнула:

— А ну вали отсюда, не то заявлю в управу!

— Не то заявлю в управу, — передразнил ее Лю Шэн, покачав головой. — Да я в этой управе как дома, кто ж твоего доноса боится?

— Скучно. Ладно, пошли в другое место поиграем, — махнул рукой Чэнь Бяо.

По его команде остальные подростки послушно поплелись следом.

Линь Дунци подошла к Бай Цзиньжун вплотную. В этой жизни она, возможно, из-за недоедания в детстве или просто из-за юного возраста оказалась на целую голову ниже Бай Цзиньжун и теперь задирала голову, уставившись на нее в упор.

Помня о самопожертвовании Линь Дунци в предыдущих двух жизнях, Бай Цзиньжун не могла ее ненавидеть, и гнев в ее глазах постепенно сменился мягкостью.

— Ты... не водись с ними... — не успела Бай Цзиньжун договорить, как кто-то ущипнул ее за ягодицу. Линь Дунци пронзительно хихикнула и пустилась наутек, на бегу выкрикивая:

— У вдовы задница большая и мягкая!

— Госпожа Жун, — матушка Су опустила скамейку. — Эта шпана целыми днями слоняется по Хуагу без дела и только пакостит, ты уж постарайся с ними не связываться.

Матушка Су вздохнула:

— Молодой вдове одной на людях тяжело, всякого не миновать. Если что случится, крикни Лу Даяна, что торгует рядом засахаренными яблоками, он человек отзывчивый.

— Спасибо, матушка Су, — тихо ответила Бай Цзиньжун.

— Эта банда только и знает, что воровать да перед сильными пасовать. Чем больше ты их боишься, тем сильнее они станут цепляться. Но связываться с такими себе дороже — прилипнут хуже банного листа, одни убытки.

Матушка Су покачала головой:

— Полгода назад они приставали на дороге к девице Чжан, да так разозлили ее старшего брата, что тот отходил их палкой. Так эти мерзавцы стали изо дня в день пакостить: то дерьмо и мочу под дверь подбросят, то под окнами подглядывают.

— Брат девицы едва концы не отдал от злобы, и в конце концов вся семья была вынуждена съехать из Хуагу, только тогда все стихло. Никто не может на них управы найти. Заберет их стража на пару дней в кутузку, а потом опять выпускают, властям возиться неохота.

Вот головная боль. Бай Цзиньжун собрала прилавок, взвалила коромысло на плечо и улыбнулась:

— Ладно, я пойду домой.

Матушка Су дала еще пару напутствий и со вздохом покачала головой:

— Ох, возле вдовьих дверей вечно много споров...

Грязный, немытый, несущий всякую чушь поганый мальчишка — Бай Цзиньжун и впрямь не желала иметь с ней ничего общего.

Заглянув на кухню, она обнаружила тофу, кусок свинины и немного зелени. Привычным движением рук она приготовила два простых блюда, поставила кувшин с подогретым вином и уселась ужинать прямо во дворе.

Раньше, в клане Шэн, она вела все хозяйство, не имея даже права присесть за стол. Лишь когда вся семья Шэн заканчивала трапезу, она могла взять пиалу и поесть, забившись в угол у стены.

После того как Шэн Цян оказался прикован к постели, его нрав стал еще более взрывным и жестоким — по любому поводу он срывал на ней злость.

Желчная и едкая свекровь, вечно бьющий свекор, да еще и недоброжелательный деверь.

Бай Цзиньжун сделала глоток вина, и от жара щеки порозовели. Этот кошмарный период наконец-то остался позади.

Если в конце концов не удастся искупить злые помыслы Линь Дунци и придется отправиться в Бескрайний Чистилище, так лучше уж наслаждаться редкими минутами покоя и уюта здесь и сейчас.

Выпив немного вина, Бай Цзиньжун почувствовала испарину на теле и решила растопить котел, чтобы искупаться в деревянной бадье.

Запрокинув голову, она смотрела на усыпанное звездами ночное небо. В отличие от тяжелых скитаний и необходимости притворяться слепой в первой жизни, в этой было куда свободнее.

К тому же очищение дурных помыслов Линь Дунци — дело не одного дня.

Куда лучше наслаждаться этой редкой и с трудом добытой стабильностью.

Ей больше не нужно никому угождать или прислуживать. У нее есть ремесло, она может прокормить себя и жить так, как ей хочется.

Конец

Вторая жизнь

Гнев

Бай Цзиньжун наслаждалась купанием, как вдруг снаружи послышался смутный шорох. Чуть приподнявшись, она заглянула сквозь щель в соломенной стене и увидела на заборе парочку фигур — двое или трое сидели верхом на загородке и заглядывали во двор.

Бай Цзиньжун в испуге пригнулась, и тут же снаружи донесся крик:

— Молодая вдова, а булки-то у тебя и вправду хороши!

Голос Линь Дунци.

Собачья морда!

Рассвирепевшая Бай Цзиньжун в спешке накинула одежду, схватила скалку и бросилась в погоню.

Но хохочущие воришки уже дали деру.

У Бай Цзиньжун даже глаза покраснели от обиды, и она со злости швырнула скалку оземь.

Ранним утром следующего дня, когда Бай Цзиньжун вынесла коромысло за порог, Линь Дунци, Чэнь Бяо и Линь Вэньцзин уже сидели на корточках у ее дверей, смачно приговаривая:

— Фигурка у вдовы ничего, грудь большая, задница круглая.

Пускай Бай Цзиньжун была постарше этих сорванцов, но стыд никто не отменял — ее лицо тотчас вспыхнуло. Не желая связываться с этой шайкой мерзавцев, она зашагала вперед.

Чэнь Бяо с подельниками тут же увязались следом, обступили ее со всех сторон и принялись отпускать сальные шуточки, намеренно выводя из себя.

— Вдова, иди к брату, брат о тебе позаботится, — ухмыльнулся Чэнь Бяо.

— Бяо-гэ, она же старше тебя, тебе надо говорить «иди к младшему брату», — захихикала рядом Линь Дунци.

Чэнь Бяо указал вниз:

— Точно, иди к моему младшему брату!

Троица покатила со смеху, состроив наглые физиономии.

Бай Цзиньжун сделала вид, что ничего не слышит, добралась до улицы и разложила лоток.

Троица уселась прямо у ее прилавка, требуя лапши — если бы она не накормила их, они бы ни за что не ушли, намертво вцепившись и срывая ей всю торговлю.

Кипя от злости, Бай Цзиньжун сварила им три порции. Покончив с едой, они удалились с триумфальным видом настоящей чумы.

Городок Хуагу был небольшим — обойти его кругом занимало меньше получаса, а улица, где торговала Бай Цзиньжун, считалась самой оживленной.

Неудивительно, что за день она умудрялась сталкиваться с этой шайкой по несколько раз — то они промышляли мелким воровством, то притесняли торговцев.

Поспрашивав людей, Бай Цзиньжун узнала, что родители Линь Дунци умерли, когда та была совсем крохой, и росла она на подаяния сотен семей. Однажды девочка чуть не умерла с голоду, но съела брошенный Чэнь Бяо паровый пирожок и с тех пор прибилась к нему.

С той поры она забросила любые честные занятия, в совершенстве усвоив все премудрости уличной шпаны.

В этот день в городок неожиданно пожаловали незнакомцы, изредка проезжали заезжие купцы, и торговля у Бай Цзиньжун шла бойко — она завертелась как белка в колесе.

Вскоре у соседнего перекрестка поднялся шум, и там столпилась густая толпа.

Обслужив последнего клиента и вытерев руки, Бай Цзиньжун наконец смогла перевести дух. Заметив проходившую мимо матушку Су, она поинтересовалась:

— Матушка Су, что там за шум?

Матушка Су, только что глазевшая на происходящее, хлопнула себя по бедрам с довольным видом:

— Да эта шпана! Совсем потеряла страх, привязались к какой-то смазливой девице, пытались силой утащить, да только получили отпор и знатно огребли!

— А? — удивилась Бай Цзиньжун.

— Ага, чужаки отметили! Наши-то горожане с ними связываться не хотят, а приезжим плевать, так отделали — любо-дорого! — злорадствовала матушка Су. — Поделом паршивцам!

Она продолжила:

— Получив по заслугам, эта гопота разбежалась, только тот парнишка из семьи Линь так и валяется на земле, стонет. И никто к нему не подходит, так ему и надо!

Бай Цзиньжун вытерла руки и, подумав немного, решила все же сходить взглянуть.

Когда она добралась до перекрестка, зеваки уже расходились кто куда.

<http://bllate.org/book/21201/2145986>